

Кукотур — 1995. — 20 мая. — с. 8

ЛЮБВИ

ПРОВОДЫ

В этот голос проваливаешься, как в мягкие упругие перышки. В него кутаешься, как в роскошный бархат, и потом еще долго помнишь его нежную тяжесть... Этому воспоминанию скоро тринадцать лет.

Произведя фурор на VII Конкурсе имени Чайковского, грузинский чудо-бас Паата Бурчуладзе почти сразу после победы отправился на покорение мира. С тех пор в отечество (исключение — Тбилиси, куда он время от времени приезжал петь) долетали лишь музыкальные весточки от певца в форме аудио- и видеозаписей да информационные отзвуки его победных шагов.

84-й год — первый выход на зарубежную, и сразу такую заметную сцену, как "Ковент-Гарден", — верховным жрецом Рамфисом в компании с Паваротти — Радамесом и Ричарелли — Аидой.

85-й — приглашение от великого Лючано спеть в его концерте.

86-й — участие в премьерном спектакле "Набукко" на открытии сезона в "Ла Скала" (немалая честь!), сольный концерт на той же сцене, первая премия на Конкурсе Паваротти в США (заочно), обретение целого клуба австрийских поклонников после триумфального дебюта в Венской Штаатсопер.

87-й — награждение сольного диска певца с записями романсов Мусоргского и Рахманинова Золотой медалью Парижской академии грамзаписи, первое приглашение на Зальцбургский "фестиваль фестивалей" для участия в постановке "Дон Жуана" (партия Командора) и первая встреча с Гербертом фон Караяном, сравнившим Бурчуладзе по масштабу дарования с Шаляпиным.

Так, красиво набрав высоту, он обосновался в "звездном" пространстве. Перед ним распахнулись двери едва ли не всех театров мира, включая "Мет" и Опера Бастиль. Недавняя Мекка всех вокалистов, "Ла Скала", продемонстрировала особую к нему привязанность — он спел здесь в общей сложности семь партий. Его пригласил участвовать в своих музыкальных проектах ("Te Deum" Брукнера и "Реквием" Верди) уже стоящий на пороге мира индус Караян. Сольные концерты Бурчуладзе "шли нарасхват" по всему миру... Но только тот, с которым он прилетел наконец в Москву, выглядел грузным "приземлением".

Один за другим являлись на сцену Большого театра несчастные у нас вердиевские гости — Фисеско из "Симона Бокканегры", Банко из "Макбета", Закарриа из "Набукко", Вальтер из "Луизы Миллер", Атилла, — но оставляли после себя только вопросы. Куда делась густая мощь этого баса? Откуда взялись сухие "до-

щечки", из которых певец складывал свои легато? Это aberrация слуха или голос Бурчуладзе в самом деле стал выше и беднее?.. Потерял мой кумир свои соблазнительные силки — и путешествие с ним сделалось пресным.

Лишь один на всем пути номер, по иронии судьбы самый запетый до дыр, — ария Короля Филиппа из "Дон Карлоса" — вдруг разольется слабым притягательным светом. Такого сомневающегося — прежде всего в себе, растерянного, беззащитного Филиппа представляют редко. И показалось, что в прорезях театральной маски блеснули тем же сомнением глаза актера. Но, может быть, только показалося...

И лишь один сюрприз подарит это путешествие "по вердиевским местам" — хороших попутчиков, дирижера Александра Ведерникова и оркестр Большого театра, являвших собой настоящий тандем, первым достоинством которого были даже не каллиграфический "почерк" и интересное звучание в сольных номерах—"прелюдиях" к вердиевским операм (особенно хорошо вышло печально-акварельное, как тихий плач не на виду, Вступление к последнему акту "Травиаты"), а редкая деликатность в дуэте с вокалистом. Не потому ли, что сам дирижер "родом" из певческой семьи?

Между тем, слово за слово, добрались мы наконец и до родной границы, за которой выселились обещанные концертные сцены из "Бориса Годунова" с участием хора, оркестра и со-

листов Большого. Захотелось потрясений, тем более что было известно: Борис — коронная, самая любимая и самая "постоянная" в репертуаре певца партия (в этом мае в Мюнхене он спел ее в сотый раз). Взамен являлась еще одна иллюстрация банального присловья: "Мелочей в искусстве не бывает".

Можно мастерской рукой набросать верный психологический портрет, можно с любовью (хоть и той, что уже сделалась привычкой) прописать сей эскиз музыкальной светотенью — и перечеркнуть все первой же скоманной фразой на языке оригинала. Возможно, зарубежная публика и съест приготовленную Бурчуладзе "русскую кашу" из свистящих и шипящих, но отечественная определенно подавится, а после, скорее всего, прошепчет, глядя на созданный певцом косноязычный персонаж: "Не верю!".

...Кто бы мог подумать, что то, пока единственное, отвечающее всем требованиям "Певческого биеннале" свидание — с настоящей "звездой" да после настоящего долгой разлуки, обернется разочарованием? Нам вернули на часок наше "национальное достояние", каковым был этот бас десяток лет назад, но заметно изменившимся. Не драгоценной виолончелью Страдивари, а обыкновенной.

Лучше бы то было шуткой гения, позволившего себе поиграть в "простого" человека. Поэтому что иначе мы наблюдали свет гаснущей "звезды".